

A winter scene featuring a window with a yellow patterned curtain, snow-covered branches, and a wooden wall. The text is overlaid on the wall.

ДИНА САБИТОВА

ГДЕ
НЕТ

ЗИМЫ

Встречное движение

Дина Сабитова

Где нет зимы

«Самокат»

2011

Сабитова Д. Р.

Где нет зимы / Д. Р. Сабитова — «Самокат», 2011 — (Встречное движение)

У Павла и Гуль были бабушка, мама и чудесный старый дом — свидетель истории их семьи. Но все меняется в одночасье: бабушка умирает, мама исчезает, а дети оказываются в детском приюте. В новом романе для подростков Дина Сабитова, лауреат премии «Заветная мечта» за повесть «Цирк в шкапулке», говорит о настоящих ценностях: только семья и дом в современном мире, как и сто лет назад, могут дать защиту всем людям, но в первую очередь — тем, кто еще не вырос. И чувство сиротства, одиночества может настичь не только детей, оставшихся без родителей, но любого из нас, кто лишен поддержки близких людей и родных стен. Павел — тринадцатилетний подросток, но именно его Сабитова наделяет почти инстинктивным чувством ответственности за семью. Он уверен, что пока стоит на месте их Дом, они с Гуль — не сироты. И эта убежденность помогает преодолеть детям все препятствия, чтобы в итоге вернуться в него.

© Сабитова Д. Р., 2011

© Самокат, 2011

Содержание

Павел	6
Гуль	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Дина Сабитова.
ГДЕ НЕТ ЗИМЫ

Дине Магнат

Где
нет
зимы

повесть

МОСКВА • САМОКАТ

Павел

– Посиди в моей комнате. Я не хочу засыпать одна!

Гуль устроилась в кровати, водрузив на колени огромный том «Снежной королевы». Когда моя сестра читает, она пока еще водит иногда пальцем по строке, а порой и шевелит губами.

Я сижу у нее в ногах и тоже читаю.

– А что, северные олени на самом деле такие большие?

Отложив книгу, смотрю, какие северные олени «такие большие». На картинке олень, в самом деле внушительный, скачет через всю страницу, и кажется, что он размером с лося.

– Олени вроде бы меньше лошади... Но, Гуль, зачем ты опять облизываешь книгу?

У моей младшей сестры есть дурацкая привычка – Гуль оближивает цветные картинки в книгах. «Так они становятся очень яркие и блестящие».

Сестра смотрит на меня виновато и пытается просушить страницу рукавом пижамы.

Я укоризненно вздыхаю и возвращаюсь к своему роману.

Через десять минут я вижу, что Гуль уснула, выронив книгу и даже не пожелав Ляльке спокойной ночи. А ведь это ее священный ежевечерний ритуал, она его не пропускает.

Мне не спится.

Мы с Гуль одни в доме. Не считая, конечно, Ляльки.

Где-то раздаются шорохи и скрипы. В нашем доме всегда так, ведь он очень старый, ему уже лет сто. Развалюха, если честно. У нас даже газ не проведен, мы печку топим дровами. Я тут живу всю жизнь, мама тут жила всю жизнь и бабушка тоже...

Даже себе не хочу сознаваться, что сейчас эти звуки меня пугают. Хотя, может быть, в тишине стало бы еще страшнее.

Прошло уже три недели с того дня, как умерла бабушка. И каждый вечер мама уходит куда-то, оставляя нас с Гуль одних.

Я ругаю себя за то, что боюсь. Мне все же не восемь лет, как глупой Гуль, а тринадцать. Но обрывки тревожных мыслей начинают бродить у меня в голове сами по себе... Можно, конечно, читать – это очень отвлекает до поры до времени, но все равно настает момент, когда надо выключить свет, закрыть глаза. Тут-то мысли и набегают.

Но вот что я понял. Когда мысли приходят сами по себе и уснуть из-за этого очень трудно – надо начать думать специально. Вспоминать что-нибудь очень подробно, как будто смотришь кино. Или нет, лучше – как будто пишешь книгу. Крутишь в голове предложение, словно читаешь его в книге, а потом вдруг понимаешь, что мысли начали путаться, и ты повторяешь какое-то слово, повторяешь, повторяешь, а предложение рассыпается и ускользает от тебя. А потом уже наступает утро.

Буду думать про бабушку.

Мою бабушку звали Александра Васильевна Соловьева. Она была портнихой. Работала она в жизни много кем – и в столовой, и в больнице, и на заводе, но главное – шила на заказ. Говорят, лет сорок назад моя бабушка была городской легендой и заказчицы приходили к ней «по рекомендации».

Дома мы звали ее Шурой. Шура много курила, любила петь, терпеть не могла готовить. И еще у нас с ней одинаковой формы нос и уши.

Бабушку многие считали немного того. Основания для этого были.

Расскажу один случай, чтоб вы поняли, что я имею в виду.

Надо было выпустить стенгазету к очередному Дню учителя. В школе нельзя: мы же вроде как делаем сюрприз учителям.

Потом этот «сюрприз» отправляется в шкаф в учительской: там уже пылятся рулоны этих газет лет этак за пятьдесят.

Я предложил свистнуть оттуда старую газету, подреставрировать, а дату просто замазать – эти газеты все на одно лицо. Кто вспомнит, что такая уже была десять или двадцать лет назад?

Разумеется, мне сказали, что я дурак и идея моя глупая.

А по-моему, очень хорошая мысль – мы бы сэкономили кучу времени.

Девчонки нашли ворох каких-то открыточек с глобусами, кленовыми листьями, портфелями и прочим подходящим по теме.

Наш дом ближе всех. Поэтому пошли ко мне.

Ватман сперва расстелили прямо на полу в моей комнате, но оказалось, что полы кривые. Дом у нас старый, с дощатыми полами, и доски горбатые, неровные. Так что рисовать на полу никак нельзя. А письменные столы и кухонный не годятся – они у нас совсем маленькие.

Мы просто не знали, что делать. Мне было как-то неудобно, что такие полы, хотя я, конечно, в этом не виноват.

И тут вышла бабушка... С вечной сигаретой в мундштуке.

Бабушка всегда курила сигареты не так, как все нормальные люди, а совала их в мундштук. Маму это раздражало. Она постоянно говорила Шура, что мундштук – мужской аксессуар. А бабушка отвечала, что ее хрустальная мечта – курить трубку. И что, когда она наконец заведет себе трубку, мама еще вспомнит, как прелестно выглядел ее янтарный мундштук. «Девичья игрушка, – усмехалась бабушка, – ты, Маруська, просто ничего не понимаешь в женственности».

Девчонки, увидев бабушку, слегка остолбенели. Нет, они, конечно, вежливо поздоровались, но при этом...

Дело в том, что бабушка моя очень любила яркие платья. И сшила себе чуть ли не двадцать платьев по одной выкройке: с глубоким вырезом спереди, голыми плечами и длиннющей широченной юбкой. Юбка с оборками, а расцветка такая, что мимо не пройдешь. На этот раз платье было с огромными маками по темно-зеленому фону.

– Тебя принимают за старую сумасшедшую цыганку! – сердилась на бабушку мама.

– Что ж, пусть тогда меня украдет какой-либо табор, – хихикала в ответ бабушка. – «Я уйду с толпо-о-ой цыга-а-анок за киб-и-иткой ко-о-очевой!» А в черный день буду зарабатывать на улице – гадать проходим. Чем плохо?

Кстати, гадать на картах бабушка очень даже хорошо умела и любила, мне всегда казалось, что насчет черного дня она не шутит.

Так вот, вышла к нам бабушка в маковом платье с дымящимся мундштуком в руках и спросила меня важным неторопливым басом:

– Борька! Что за нашествие прекрасных девиц в наш скромный уголок?

– Шура, – вздохнул я, – нам надо делать газету.

– Ну и в чем же проблема?

– У нас пол кривой, Шура. Ватман разложить негде.

Бабушка посмотрела на нас, задумчиво покрутила мундштук, а потом сказала:

– Только потом все убрать, Борька! Чтоб краски – нигде-нигдешеньки ни капли!

И развернулась, поманив нас за собой.

Я сразу понял и ужасно обрадовался.

В комнате у бабушки стоял стол, на котором бабушка кроила. Ровнехонький и такой большой, что на нем спать можно было в полный рост, не то что ватман расстелить.

Девчонки как в комнату бабушкину попали, так начали озираться, будто это музей.

– Ой, – говорит кто-то из них, – манекены без головы. Это для шитья, да?

– Да, – говорит бабушка, – знакомьтесь: Дуся, Люся и Нюся.

У бабушки в углу три манекена – на три разных фигуры.

Дуся самая старая, у нее уже и швы все вытертые, и на животе заплатка. Бабушка ее на помойке нашла. Редкая удача: тогда, после войны, портновский манекен никто так запросто не выбросил бы. Но Дуся уже и в те годы была ветхая, и подставка у нее отломилась, а главное – кто-то вспорол ей живот, так что начинка из нее сыпалась. Бабушка Дусю домой отволокла, помыла, живот заплатала, а кто-то из бабушкиных знакомцев подставку новую смастерил. И стала ветхая Дуся у бабушки жить, в креп-жоржет и файдешин наряжаться.

Люся шла в соседнем ателье под списание. Ателье закрывали, и директорша его предложила бабушке забрать старый манекен. С этой директоршей было совсем смешно: она на саму себя у своих мастеров не шила, а носила все к бабушке. Ателье было передовое, молодежное, швей туда брали сразу после училища, у них то собрание комсомольское, то субботник, а шили, бабушка говорила, так себе. На нестандартную фигуру шить даже и не брались. А бабушка бралась и директоршу, даму внушительной красоты весом в сто двадцать кило, обшивала так, что нигде не морщило.

– Она у меня как картинка ходила, батальное полотно восемь-н_д-семь, – смеялась бабушка, вспоминая ту дарительницу манекена.

А Нюся молоденькая была. Ее продавали на рынке.

– Характер Нюсин мне понравился, – рассказывала бабушка. – Стоит скромненько так, молчит, на меня искоса поглядывает, а я-то чую, куда клонит. Возьми меня, мол, думает, возьми, вон я какая красавица...

– Шур, ну что ты глупости говоришь! «Смотрит, думает...» Она ж без головы у тебя! – возмущался я, когда был маленький.

– Сам ты без головы, Борька. Бываешь порой. Эх, что бы ты понимал!

Бабушка очень серьезно излагала девчонкам историю своих «барышень», и теперь я насчет «все это глупости» помалкивал. Теперь я с Шурой согласен: Дуся, Люся и Нюся, конечно, собеседницы плохие, но характеры яркие.

Девчонки слушали, головами крутили, пока наконец Кира не опомнилась:

– Ой, нам ведь газету надо делать!

Кира вообще в этой компании самая организованная.

И самая умная.

Но про Киру я потом расскажу, сейчас про бабушку.

Газету мы в тот раз сделали быстро, за час. Листья и открытки наклеили, учебники всякие нарисовали, в центре красивым почерком написали стихотворение подходящее: «Не смейте забывать учителей!»

Мне это стихотворение не понравилось: начинается прямо с лозунга, с повелительного наклонения, – но выбирала Кира. Кира у нас вообще с сильным характером, ей такое стихотворение под стать.

Опять я про нее. Решил же – сначала дорассказать про бабушку!

Ну, в общем, начало уже смеркаться, бабушка зажгла настольную лампу, поставила ее на пол – стало таинственно. Меня она отослала:

– Иди, Борька, приготовь нам чайку, что ли...

А когда я вернулся с закипевшим чайником, в комнате было ужасно накурено и бабушка пела девчонкам романсы.

Когда и как они перешли к пению, я с кухни не слышал, но сейчас Шура исполняла мужскую арию.

– Скажите, девушки, подружке ва-а-а-ашей, что я ночей не сплю, о ней мечта-а-а-аю! – выводила она своим хриплым басом, сидя в старом продавленном кресле, отведя руку с мундштуком в сторону и запрокинув лицо. Пела Шура всегда с закрытыми глазами и открывала их только тогда, когда закончит или когда собьется в тексте.

Покончив с этой историей про нежную страсть и цепь, она открыла глаза и спросила: «Еще?»

Девчонки закивали.

– А вот было такое кино, «Петер». Знаете? Нет, вы не помните, вы малявки... Потом я купила пластинку с этим танго.

Шура опять закрыла глаза, но завела на этот раз неожиданно тонким голосом:

...Скользи легко,
Танцуй танго
И слушай плавные ритмы
Далеких и знойных стран.
Где нет зимы,
Но так, как мы,
Не знают боли сильнее
И глубже сердечных ран...

Мне казалось, Шура, закрыв глаза, видит в темноте освещенный экран, где танцует Петер, и просто подпевает тому фильму, что крутится у нее в голове.

Девчонки слушали песни и романсы чуть ли не час. Наконец Шура довела до конца последний куплет, сделала паузу и громко объявила:

– Концерт! Окончен! Всего вам доброго, дорогие товарищи!

И встала.

И поклонилась.

Девчонки захлопали в ладоши. Кира сказала:

– Спасибо, Александра Васильевна!

Все посмотрели на остывший чай и заторопились:

– Ой! Нам же домой пора!

Насте с Вероникой надо было к Подлужной слободе, а Кира жила в другой стороне, и я пошел ее провожать.

Я шел и молчал. Я боялся, что Шура показалась девчонкам смешной. И что Кира сейчас скажет что-нибудь такое.

Кира ведь резкая.

Она появилась в нашем классе в сентябре: тощая, маленького роста, с круглым лицом, коротко стриженная и какая-то востроносая. Когда я увидел ее в дверях, то подумал, что к нам забрела младшеклассница, может быть, чья-то сестренка. На фоне некоторых наших девиц, которые выглядели почти взрослыми, Кира была совсем малявкой, и над ней посмеивались. Правда, быстро перестали.

Гимназия у нас «с прошлым», сильная, учиться трудно, а Кира училась блестяще, по французскому и английскому у нее были такие успехи, что, не успев прийти к нам, она сразу поехала от имени школы на городскую олимпиаду и заняла там оба первых места, и в адрес тех, кто не дотягивал до ее уровня, она высказывалась очень резко, даже зло: «Одноклеточные».

Еще мне нравилось, что ее зовут не как всех. У нас в классе две Насти, две Даши, три Наташи...

– Был такой древний царь. Кир. Очень воевать любил, – объяснила она мне в самом начале нашего знакомства происхождение своего имени. – Знаешь, как он говорил о себе?

Кира встала в картинную позу и продекламировала на одном дыхании:

– Я – Кир, царь множеств, царь великий, царь могучий, царь Вавилона, царь Шумера и Аккада, царь четырех стран света, сын Камбиса, царя великого, царя Аншана, потомок Теиспа, царя великого, царя Аншана, вечное царственное семя, правление которого любят боги Бэл и Набу, владычество которого приятно для их сердечной радости.

Мне, конечно, непонятно, как это родители могли назвать девочку именем древнего воинственного царя Шумера и Аккада и чего-то там еще для сердечной радости, но Кире имя подходило.

– Замучила вас бабушка песнями, – осторожно начал я разговор.

– Она здорово поет, – откликнулась в темноте Кира. – Я таких романсов никогда не слышала. Она тебе, наверное, когда ты был маленький, много пела?

– Все время пела. Колыбельные каждый вечер.

– Классно. Какая она у тебя...

– Какая? – насторожился я. – Какая? Странная, да?

– Ну... необычная, – согласилась Кира. – А почему она тебя Борькой зовет? Ты же Павел? Это какая-то семейная история, да?

– Да, Кира, история...

... Шура, она в самом деле странная. Что уж тут скрывать: с головой у Шуры, если сравнивать ее с другими людьми, не все было в порядке.

Вот платья эти, мундштук, романсы... И с Дусей, Люсей и Нюсей она разговаривала как с живыми. А еще она меня Борькой звала. И всех на свете девочек – Марусянками.

Марусянка и Борька – это были первые Шурины дети. Близнецы. Они родились в самом начале войны, Шуре тогда только-только исполнилось двадцать лет. Про отца близнецов Шура говорить не любила. Вернее, если заходила об этом речь, говорила очень коротко, например так: «Он был инженер, очень умный. И танцевал как бог. Просто как бог». А в следующий раз «он» оказывался летчиком, а потом – артистом оперетты или даже писателем-лауреатом-самой-главной-премии.

От Марусянки и Борьки осталась только коричневая фотокарточка с поломанным уголком. Мне кажется, Марусянка была немного похожа на нашу Гуль, а вот Борька на меня совсем не похож.

Бабушка работала на химзаводе, шла война. Дети сперва оставались с пожилой соседкой, а вскоре при заводе организовали ясли.

И дети целый день проводили там, и все шло нормально, пока вдруг не случилось плохое.

На заводе произошла авария. Наша соседка, которая всю жизнь прожила в доме напротив, говорила: «Вот тогда-то Шура и надыхалась отравой и мозги себе испортила».

Я не знаю, правда ли, что бабушкины странности объясняются именно этим. Потому что сразу вслед за аварией, после которой Шура попала в больницу, заболели близнецы. Чем – тоже не знаю. И бабушка не знала. Но когда Шура вышла из больницы, Марусянки и Борьки уже не было на свете.

Однажды я набрался нахальства и спросил:

– Шур, ну зачем ты меня Борькой зовешь? Трудно запомнить, что я Павел?

Бабушка посмотрела на меня, пожевала губами, а потом мотнула головой:

– Знаю я, Борька, что ты Павел... Но я уж так привыкла. Да и ладно.

– А отвыкнуть?

– Стара я уже – отвыкать, – проворчала бабушка. – Ничего, были у меня шестьдесят с гаком лет все Борьки да Маруськи, потерпи еще чуток.

Кира выслушала мой рассказ, а потом спросила:

– Слушай, а мама твоя, она когда родилась?

– В 61-м году. Мама – поздний ребенок, бабушке уже сорок лет было.

– А как твою маму зовут?

– Марина Алексеевна.

Кира вдруг засмеялась:

– Наверное, бабушка твоя ее не Мариной звала, а Маруськой, да? Сумасшедшая все же у тебя бабуля!

Я хотел ответить Кире, что ничего смешного в этом нет, но почему-то промолчал.

Мама так и не пришла. Надо спать. Кажется, уже светает. В июне ночи короткие.

Гуль

Японские художники всю жизнь учатся рисовать ровный круг. Мне Паша рассказал. По-моему, это очень глупо с их японской стороны.

Есть циркуль. Или можно взять стакан, поставить его и аккуратненько обвести. Получится ровный круг.

А всю оставшуюся жизнь можно потратить на что-нибудь другое.

Но Паша это мне не просто так говорит. Он все такое рассказывает, когда мои уроки проверяет и сердится:

– Муху покатали на карусели, пока у нее башка не закружилась, а потом обмакнули в чернила и пустили плясать по твоим тетрадям. Гуль, ну нельзя же так коряво! Вот это у тебя что? «П» или «Н»? Японцы...

Я сто миллионов раз слышала про японцев. Или про китайцев, как их там...

Но Паша все ворчит и ворчит.

Конечно, Паше хорошо. Он и рисовать умеет, и писать красиво, *калеро... каглира... кагли-ра-фически...*

В нашем первом «В» за всеми после уроков приходят мамы или бабушки. А ко мне приходит Паша.

Он появляется в классе после звонка с четвертого урока и говорит нашей Софье Тимофеевне: «Здравствуйте, Софья Тимофеевна», а она ему всегда отвечает: «Здравствуйте-здравствуйте, Павел Васильич!» И улыбается. Софья Тимофеевна уважает моего Пашу, называет его по отчеству, как будто он взрослый человек. Хотя он еще не взрослый, я это понимаю.

Потом Паша уходит, у него еще два или три урока, потому что старшеклассники учатся дольше, чем мы, а я жду его в продленке.

Делаю домашние задания и немножко читаю.

А потом Марианна Вениаминовна, которая руководит продленкой, говорит:

– За тобой твой нянь пришел.

Она так шутит.

И мы с Пашей идем домой.

Иногда по дороге в киоске на углу нашей улицы он покупает мне кока-колу и чипсы, а иногда я прошу купить, а он вдруг начинает говорить, что это мусорная еда. Что от колы с чипсами в желудке будут дырки. Как в дуршлаге – во-о-от такие дырки. И руки разводит в стороны на метр.

Не бывает же таких дырок, правда?

И вообще я заметила: разговор про дырки заходит, если у Пашки деньги карманные уже кончились.

Я очень люблю момент, когда старший брат забирает меня из школы. Но это сразу и радостный, и грустный момент – так бывает в жизни. Больше всего мне жалко, когда за мной Паша приходит, а за Мишей его мама не приходит. Мама иногда забирает его сразу после уроков, иногда через два часа, а иногда вообще вечером. Вот и случается, что я уже домой иду, а Миша на продленке остается. Тогда он спрашивает:

– Гуль, созвонимся?

Я киваю.

И Миша остается за нашей партой у окна один.

Я вообще люблю только двух мужчин на свете. Пашу – потому что он мой брат. И Мишу – потому что он мой друг.

Вечером я звоню Мише.

– Знаешь, – говорит Миша, – а я за один день научился стрелять из лука! Мама купила мне лук, и мишень, и четыре стрелы. Только тетива очень тугая. Как ты думаешь, дети древних охотников долго учились стрелять?

А я говорю:

– Вряд ли. Они жили мало, и им приходилось учиться быстро. А то их всех могли съесть саблезубые медведи. А вот как ты думаешь: если муху катать на карусели, у нее голова закружится?

– Нет, – отвечает Миша. – От человеческой карусели не закружится, человеческая для нее слишком большая. У тебя же не кружится голова, когда ты несешься через космос вместе с Землей?

Вот такие мы ведем серьезные разговоры. Миша хочет стать ученым – археологом или астрономом.

Раньше мы с Мишей ходили в одну группу в садике. Там мы не очень дружили, просто пели вместе на утренниках. Дуэтом. Это значит – вдвоем. Вдвоем петь гораздо труднее, чем хором. И труднее, чем одному.

Чтобы дружить, надо ходить друг другу в гости. Я так думаю. Но пока ты маленький, в гости особо не походишь: одного не пускают, а взрослые все время заняты, водить тебя не могут. Так что дружить нам было трудно.

Еще мы с Мишей ходили к одной общей учительнице музыки, она жила в Мишином доме, только он в первом подъезде, а учительница в четвертом.

Мама и Лидия Иосифовна, которая учительница музыки, знакомы с детства: наша бабушка шила тогда для мамы Лидии Иосифовны на заказ. И вот однажды мама и Лидия Иосифовна случайно встретились, уже взрослые, и Лидия Иосифовна говорит: «А что, если я буду давать твоей дочке частные уроки? Недорого». И я начала заниматься у нее. А потом моя мама случайно сказала про это Мишиной маме, и Мишу тоже стали водить на музыку. И мы так занимались целый год до школы.

В субботу наши уроки были один за другим. Я приходила на урок, а Миша уходил. Так что у Лидии Иосифовны мы с Мишей виделись только по субботам. В коридоре.

Коридор у учительницы музыки был почему-то перегороден бархатной занавеской. Это называется портьера, сказала Лидия Иосифовна. Портьера собиралась на толстый золотой шнур бантиком. Это было похоже на театр. В театре я была один раз с мамой и с Пашей. И там был бархатный занавес – огромный, до самого неба.

Когда меня приводили на музыку, дверь открывала мама Лидии Иосифовны, Белла Борисовна.

Она ходила по дому в брюках и широкой шелковой кофте. Во вторник кофта была лимонная, в среду малиновая, а в субботу черная.

Интересно, кофту какого цвета Белла Борисовна надевала в понедельник, в пятницу и в четверг? А в воскресенье?

Наверное, у нее семь кофт разного цвета. На каждый день недели. Иначе ей было бы просто не узнать, понедельник сегодня или суббота. Потому что она очень рассеянная. И ходит, прикрыв глаза, как будто ей совсем неинтересно смотреть на жизнь вокруг.

Увидев меня, Белла Борисовна всегда говорила сладким голосом одно и то же:

– А, это ты, детка. Присядь тут, Лидочка уже заканчивает.

И указывала мне на бархатную банкетку, стоящую в коридоре.

Я сидела на банкетке и думала, что будет, если однажды я отвечу Белле Борисовне:

– Нет, это не я! Это старуха Грюнфельд из темного-темного леса!

Может быть, тогда Белла Борисовна откроет глаза, посмотрит на меня и даже спросит, как меня зовут.

Я сидела, думала и ждала, а потом из-за портьеры появлялся Миша. И я представляла, что передо мной сцена, а Миша – известный артист, и вот он выходит перед полным залом, и все на него любят.

Миша чаще всего выходил с урока весь красный и сердитый.

– Привет, – говорила я.

– Угу, – отвечал Миша.

– Ты уже уходишь? – спрашивала я.

Да, я понимаю, что это глупый вопрос. Но мне хотелось поговорить!

– Угу, – повторял Миша.

– Ну, пока, – прощалась я.

– Угу, пока, – кивал Миша.

К весне я уже выучила ригодон, и старинную французскую песенку, и еще белорусскую народную песню про перепелочку. Но тут мама поссорилась с Лидией Иосифовной, и я перестала ходить на музыку.

Потом мы с Мишей окончили садик.

И я думала, мы больше никогда не встретимся.

30 августа мы с Шурой пришли в школу на «пробный день».

В этой школе и моя мама училась, и Паша учится.

Школа большая, пять этажей. Как бы мне там не заблудиться, когда останусь одна.

Бабушка долго смотрела списки, а потом сказала:

– Ты учишься в первом «А» классе. У заслуженной учительницы Недыбайло Ю. С.

– Не до чего? – решила уточнить я.

– Не-ды-бай-ло, – ответила бабушка. – Фамилия такая. А Ю. С. – имя, Юлия Станиславовна.

Фамилия учительницы мне сразу не понравилась. Но я знаю, что нельзя судить о человеке по его фамилии. Человек же не виноват, что у него такая фамилия, правда?

– Ты ее знаешь? – удивилась я.

– Знаю, – сухо ответила Шура.

– Она хорошая? – заволновалась я. И представила, что учительница Недыбайла должна быть огромная, как каменная великанша, с большими руками и ногами. Так что я заранее испугалась.

Шура почему-то молчала и продолжала вглядываться в списки.

– Пойдем, Шура, – я тихонько подергала бабушку за рукав.

Хотя мне с каждой минутой было все страшнее и страшнее от того, что надо будет встретиться с заслуженной учительницей Недыбайло, я все равно ужасно боялась опоздать на этот «пробный урок». И еще боялась: вдруг меня сразу попросят что-нибудь прочитать – я ведь плохо читаю. Мне читает Паша, и у него получается здорово: все герои говорят своими головами. А если я читаю сама, то у меня все как-то медленно и одинаково: бу-бу, бу-бу...

И когда заслуженная Недыбайла услышит, как я плохо читаю, она скажет мне: «Ты совсем глупая девочка, и я не буду тебя ничему учить, а буду только ругать и ругать все время!»

А если мы еще и опоздаем...

Но тут Шура сказала:

– Эй! А как фамилия твоему приятелю Мише? Гуренков?

И она ткнула пальцем куда-то в последний лист списков.

– Смотри: Гуренков Михаил. Первый класс «В».

Да! Гуренков Михаил – это был мой друг Миша!

Я подумала, что мы сможем иногда встречаться в школе на переменах. Конечно, у него будут новые друзья, но ведь он и меня вспомнит, правда?

– Первый класс «В», – повторила бабушка. И прибавила: – Учительница Сонькина С. Т.

Я начала представлять себе учительницу Сонькину – наверное, она такая маленькая, вся тоненькая и с короткими волосами, похожая на мальчика. Или на маленькую певчую птичку.

А бабушка сказала:

– Стой тут. Ни шагу с этого места.

– Куда ты? – кинулась я за ней.

– На разведку, – ответила Шура. – Стой тут, жди.

Вернулась она очень быстро.

– Ну вот, посмотрела, что за Сонькина такая, – сказала она деловито, – и думаю, это нам подходит. Хочешь учиться с Мишей в одном классе?

Я быстро-быстро закивала.

Все же хорошо, когда в классе есть кто-то знакомый. Особенно если это Миша Гуренков.

И мы с бабушкой пошли на второй этаж. Искать завуча.

Завуч сперва вытаращила глаза на бабушкин длинный цветастый подол, а услышав, что бабушка хочет перевести меня в другой класс, так замотала головой, что я испугалась, не вылетят ли у нее из ушей длинные желтые серьги. Они били ее по щекам, доставая почти до носа.

– Нет-нет, это невозможно, списки уже составлены, ничего изменить нельзя. Что за капризы, в самом деле, в последнюю минуту?

«Ничего изменить нельзя». Я была готова зареветь. Но Шура почему-то и не думала сдаваться.

– Из класса «А» в класс «В», – громко и внятно сказала Шура.

Тогда завуч перестала головой мотать и спросила:

– В «В»? Из «А»? От Юлии Станиславовны?

Бабушка подтвердила: да, именно от Юлии Станиславовны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.